

НИКОЛАЙ ФАРУТИН

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

ВОЛОГДА, 2004 год

к 13.54646

В Е Т Е Р А Н

*Мы из жизни уйдем, а война — никогда,
Пожелтеют лишь в книгах страницы.
Сколько долгих ночей проведено без сна,
Все она нам, проклятая, снится.*

*Прикурнет ветеран, и тотчас же во сне
С его пушки нагрянут ребята.
И огонь по врагу, и цветы по весне,
Бугорок на могиле солдата...*

*Лишь к утру ветеран потихоньку заснет,
Позабудет про боли и беды.
За окном соловей ему трель пропоет,
Накануне Великой ПОБЕДЫ...*

Авторское отступление

В этом сборнике публикуются шесть биографических очерков о славных сынах вологодской земли, удостоенных высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза, имена которых не вошли в предыдущую книгу, выпущенную к 40-летию Великой Победы областной организацией Союза журналистов. Очерки подготовлены на основе архивных и других данных, воспоминаний сослуживцев и родственников героев, публикаций разных лет и являются дополнением к сборнику «Золотые звезды вологжан» (Архангельск, 1985).

ОТ АВТОРА

В предисловии к сборнику «Золотые звезды вологжан», подготовленному к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне вологодскими журналистами, сказано: «Собирательская и исследовательская работа проделана большая. Но можно ли утверждать, что она завершена? Конечно, нет. Везде целый ряд имен (О. Ф. Колычев, Н. И. Кузнецов) стал известен уже тогда, когда книга находилась в производстве. Возможно, скоро мы узнаем новые имена героев, не попавших в эту книгу. Поиск продолжается...».

Автор предисловия генерал А. Преснухин был прав. Поиск не приостанавливался. Вот и в моем журналистском блокноте только в восьмидесятые годы появилось шесть новых фамилий Героев Советского Союза, родившихся на вологодской земле. В поиске их помогали пути-дороги, встречи с ветеранами войны, знакомство с пожелтевшими от времени архивными и музейными документами, публикациями разных лет и из разных регионов, куда в свое время забросила судьба наших земляков. Одних — в детские годы, других — после войны.

На страницы «Красного Севера» и других изданий материалы о новых героях-земляках попали, естественно, значительно позже, после сверки с различными источниками, в частности, кратким биографическим словарем «Герои Советского Союза», изданным Главным управлением кадров и Институтом военной истории Министерства обороны СССР.

В сегодняшнем сборнике — шесть фамилий, неизвестных к началу издания книги о героях в 1985-м году. Может, они — последние в плеяде вологжан — людей героического подвига? Говорить об этом опять, думаю, преждевременно.

Николай Фарутин,
ветеран войны и журналистики

Владимир Николаевич Очеленко

ОДИН ИЗ 68-ми ОЛЬШАН- ЦЕВ — ЧЕРЕПОВЧАНИН

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ в наше купе подсел мужчина и с ходу выдохнул:

— Пробираюсь с николаевских лиманов, к домам...

Оказались мы не только одногодками, но и бывшими флотскими. Новый пассажир воевал на Черноморском, а я — на Северном. Ехал он со встречи с однополчанами. Разговор начал с вопроса:

— Может, слышали про подвиг ольшанцев?

И, не ожидая ответа, продолжал:

— Каждый год в день освобождения Николаева собираемся, чтобы поклониться погибшим товарищам...

О легендарном николаевском десанте я был наслышан еще во время войны. Позже всем его 68 участникам было присвоено звание Героев Советского Союза. Двенадцати оставшимся в живых, остальным посмертно. Основной костяк десанта, 55 человек, составляли черноморцы из 384-го отдельного Краснознаменного батальона морской пехоты. Возглавлял отряд старший лейтенант Константин Ольшанский.

Узнав, что мой путь лежит в Вологду, попутчик оживился. Быстро начал листать невесть откуда взявшуюся записную книжку и, тыча в нее пальцем, предложил:

— Смотрите вот сюда. В списке все погибшие десантники — герои. Против Володи Очеленко указан Череповец. Там он родился. Выходит, ваш земляк.

Так в вагоне поезда я впервые услышал эту фамилию. По возвращении домой перечитал все, что имелось о десанте. Газетные публикации, книги «Подвиг отряда» и «Созвездие ольшанцев», в которых на основании архивных документов и личных воспоминаний рассказано о последних днях отряда. Немало написано в них и о командире отделения автоматчиков, младшем сержанте Владимире Очеленко. Но ни слова — откуда он родом.

Не помогли и в Центральном музее моряков, куда я заглянул, будучи в то время в Ленинграде. Зато отыскивали здесь один важный документ — акт спецкомиссии, составленный в конце марта сорок четвертого, сразу после освобождения Николаева.

В нем зафиксировано все, что произошло с отрядом после его высадки. Против горстки моряков враг стянул почти целый пехотный полк. Сначала на них в атаку бросили до батальона. Но она сорвалась. Перед вторым штурмом здание, где закрепились десантники, гитлеровцы долго обрабатывали минометным огнем. Но ничего не добились, захлебнулась и третья атака. В четвертую пошли под прикрытием танков, а в пятой применили огнеметы... И так за двое суток моряки отбили восемнадцать атак. На поле боя члены комиссии насчитали около семисот фашистских трупов. А сколько немцев было ранено, можно только предполагать.

Долго не удавалось подтвердить, что один из участников десанта был наш земляк, череповчанин. И вот во втором томе словаря «Герои Советского Союза» на 215-й странице сказано: «Очеленко Владимир Николаевич, род. в 1922 году, в г. Череповец, ныне Вологодской обл., в семье рабочего, русский, в ВМФ с 1941...».

Сказано ясно. Но я решил все-таки кое-что уточнить. Например, где призывался юноша? В облвоенкомате посоветовали свя-

заться с архивом Череповца. Я так и поступил. В книге регистрации родившихся за 1922 год под 572-м номером значился Очеленков Вадим Николаевич. Нашлись имена отца и матери, адрес проживания в Красном переулке, 12. В официальном ответе из архива сообщили, что данными на Очеленко Владимира не располагают. Прислали список с адресами всех Очеленковых, ныне проживающих в городе на Шексне. Их набралось около двух десятков.

Так почти ясное дело оказалось не совсем ясным. Правда, разночтения в фамилии и имени не так велики, в нескольких буквах. В большинстве же данные совпадали.

Но и это не давало основания утверждать, что речь идет об одном и том же человеке. Нет ли какой ошибки? Эти сомнения высказывали и ответы, полученные от некоторых Очеленковых. Никто не помнил Вадима Очеленко и его родителей. Никто не откликнулся и на мою публикацию в городской газете с прямым вопросом: «Кто помнит Вадима Очеленко?»

Один за другим на мои запросы пришли письма с фотографией героя из народного музея моряков-ольшанцев в Николаеве. В них подтверждалось, что здесь Володю Очеленко считают череповчанином. Другими сведениями не располагают.

Иные данные оказались в очерках об Очеленко, опубликованных в книгах о героях-земляках, изданных в Ростове-на-Дону и в Тбилиси. В первой утверждается, что он родился на Дону, в городе Новочеркасске, во второй — что учился и жил на грузинской земле, в Сухуми, а родом якобы из Тихвина.

Снова запросы, письма. Тихвинцы прислали отрицательный ответ. Не подтвердили место рождения и в Новочеркасске, сославшись на отсутствие документов довоенной поры, которые были уничтожены в период оккупации.

Но был обнаружен дубликат извещения № 22965 о гибели Очеленко и сопроводительное письмо из штаба Черноморского флота от 21 апреля 1948 года. Дубликат предназначался для вручения матери героя — Кларе Ерлестовне, проживавшей в Ново-

черкасские. Это имя совпало с именем в череповецкой книге регистрации при рождении сына. Это уже ниточка.

А вот и другая. В одной из официальных бумаг, присланных в копии, говорилось, что подлинник вышеупомянутого извещения был выслан командиром части еще 25 апреля 1944 года в Сухуми. Вручен он тетке Очеленко — Т. В. Анатольевой, которая в свое время жила в Череповце. В детстве Володя какое-то время проживал у нее. Так В. Н. Очеленко попал в книги о героях Дона и Грузии.

Многое прояснили письма из Института военной истории и Главного управления кадров Министерства обороны от заместителей руководителя авторского коллектива словаря «Герои Советского Союза» А. Пастухова и В. Каракозова. Они подтвердили правильность сведений о В. Н. Очеленко и назвали их источники. О месте рождения сообщили, что использованы данные личной карточки погибшего и наградных документов.

Дополнительно писали, что юноша в армию призывался из Новочеркасска, куда родители его привезли еще подростком из города Сталино, ныне Донецка. Оказывается, здесь после приезда из Череповца фамилию переделали на украинский лад. Они стали не Очеленковы, а Очеленко, а Вадим превратился во Владимира. Только отчество и год рождения остались прежними.

Вот так появились разночтения с архивными данными, хранящимися в Череповце. Позже родители перебрались в Ростов-на-Дону, где им была вручена Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении сыну высокого звания. Кого-либо из родственников героя отыскать не удалось.

Такова история затянувшегося поиска. С сорокалетним опозданием список Героев Советского Союза в Череповце был пополнен именем Владимира Николаевича Очеленко.

ОВЛАДЕВАТЬ военным делом и оружием молодому краснофлотцу приходилось не на плацу и тренажерах, а в схватке с врагом на подступах к Одессе, где он начинал свою службу в составе военно-морской базы. Потом были Крым, Севастополь, Таманс-

кий полуостров, дерзкий десант в Новороссийск под командованием Героя Советского Союза майора Цезаря Куникова.

В 384-й отдельный батальон морской пехоты Очеленко, как говорится, попал из огня да в полымя. Затяжные рейды по тылам врага сопровождались смертельными схватками. Морские пехотинцы своими решительными действиями помогали армейским частям в освобождении Таганрога и Мариуполя, Осипенко и Песчаного... И везде вместе с Ольшанским вел в бой своих автоматчиков череповецкий паренек.

...Десятый день шли тяжелые бои на подступах к Николаеву. Весенняя распутица расквасила землю так, что взяли танки и самоходки. Несла потери пехота. Укрепления под Николаевом гитлеровцы отвели роль ключевой позиции, так называемого «бугского вала».

Как ускорить взятие города, не допустить разрушения портовых сооружений? Высадить хотя бы сотню морских пехотинцев! Так у командования 28-й армии возникла идея о десанте.

Решено было сформировать его из коммунистов и комсомольцев 384-го батальона моряков. Из самых отважных и стойких. Многие пришли в него из легендарного куниковского десанта. В их числе был и Очеленко. Недаром его фамилию одной из первых назвал Ольшанский в штабе батальона.

Армейское командование выделило десантникам понтоны и малые суда. Но моряки решили идти на весельных шлюпках. Мол, без лишнего шума. В селе Богоявленское, которое ныне вошло в черту города, нашли семь лодок. Это человек на семьдесят. И то с перегрузкой. Но тут донесение: «Порт сильно заминирован, нужны саперы». Так к 55 морякам добавилось 12 армейцев. Сел проводник — доброволец из рыбаков.

После разминирования саперы должны были вернуться. Не получилось. Застряли. Переход затянулся из-за погоды. Сильный ветер, к вечеру штормовой. С трудом выгребали против волны, которая заливала перегруженные лодки. К месту добрались в три часа ночи 26-го марта сорок четвертого года.

... Вот и стенка торгового порта. Пройдено пятнадцать километров по реке и прилегающим плавням. Высадились бесшумно. В штаб полетела радиограмма: «Приступаем к выполнению задания...». Развернулись в цепь. Впереди саперы и разведчики. Направились к новому элеватору. Вдруг окрик: «Хальт!». Удар ножом, и фашист замолчал. Так же сняли и второго часового. Добрались до двухэтажного каменного здания — конторы порта. Лучшего места не найти. Заняли круговую оборону. Оконные проемы превратили в амбразуры. На втором этаже управлялся со своими бойцами младший сержант Очеленко. Устанавливали противотанковые ружья и ручные пулеметы.

Вдруг застучали по мостовой колеса. Перед зданием выкатилась повозка с двумя фашистами. Автоматная очередь — и один уткнулся в землю. Второму удалось увернуться и убежать. Начинало светать.

Прозвучала команда: «Приготовиться к бою!» Вскоре появились и гитлеровцы. Целая колонна. Не прошло и получаса после первой атаки, как боец Щербаков позвал Очеленко и показал на перебегающих немцев. Доложили командиру десанта.

Из-за вагонов фашисты попытались было пробраться к окопам и закрепиться в них. Володя приказал пулеметчикам открыть огонь и не пропускать врага. Потеряв многих, наступающие откатились. И так восемнадцать раз поднимались фашисты. Под прикрытием пушек и минометов, танков и огнеметов. От взрывов и огня рушились каменные стены, но десантники стояли. Очеленко продолжал командовать и бить из автомата, перебегая от окна к окну.

О том, как он погиб, позже расскажет матрос Хайрутдинов. «Младший сержант отражал очередную атаку. Много немцев полегло от его автомата. Но вот он умолк. Кровь залила лицо. К нему подбежал Ольшанский. Он приподнял голову Володи: «Потерпи немного, скоро перевяжут». В ответ он еле слышно прошептал, чтобы отомстили, и затих. Навсегда. Командир отряда бережно опустил его голову и произнес, чтобы

все слышали «Прощай, Володя, ты погиб, как верный сын Родины!»).

Утром 28 марта разведчики наступающих советских частей достигли порта. Страшное зрелище предстало перед ними: вокруг, среди руин и воронок, на обожженной земле валялись сотни вражеских трупов. Даже не верилось, что такое могла совершить горстка моряков.

Весть о подвиге олышанцев облетела все фронты, дошла до Ставки в Кремле. Всем десантникам и добровольцу-рыбаку были присвоены высокие звания Героев Советского Союза.

В восьмом томе «Истории второй мировой войны» в описании этого подвига особенно отмечено, что в отряде были люди больше десяти национальностей: русские и украинцы, белорусы и азербайджанцы, татары и адыгейцы.

НА СТРЕЛКЕ у слияния Южного Буга и речки Ингул захоронены герои легендарного десанта. Золотом отсвечивают их имена, выбитые на гранитных плитах. Ветер с моря колеблет негасимое пламя Вечного огня. А неподалеку, на Матросском бульваре, воздвигнут величественный памятник героям.

У его подножия всегда живые цветы. Николаевцы хранят память о моряках. Ежегодно в день освобождения города они приходят на площадь имени 68 Героев, чтобы поклониться им, павшим за свободу и независимость Родины.

К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ череповчане увековечили имя своего земляка — Героя Советского Союза ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ОЧЕЛЕНКО. Об этом я узнал из газеты «Речь» и личного письма одного из ветеранов. Местный скульптор А. М. Шебунин изготовил бюст, который сейчас стоит в одном ряду с другими героями-череповчанами в городском музее. А на доме в Красном переулке, где родился и жил Очеленко, установлена памятная доска.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ФРОЛОВ

ЭТО БЫЛО ПОД МОГИЛЕВОМ

Передо мной два официальных ответа. Один — из Чагодощенского райвоенкомата, другой — из города Броды Львовской области. В них данные об одном и том же человеке — Герое Советского Союза И. Н. Фролове. В то время, когда писался этот очерк, прошло 48 лет с тех пор, как совершил свой подвиг наш земляк, и 45 — со дня его гибели. Но ни на его родине в Чагоде, ни на Львовщине, где пал в бою и захоронен Иван Николаевич, не знали, что Фролов носит высокое звание.

Иван родился в 1918-м году в деревне Сиротово. Здесь работал в колхозе «Знамя труда», самом отдаленном в Чагодощенском районе. В тридцать девятом отсюда Ванюша Фролов и ушел на военную службу.

Из его родственников отыскался племянник. Живет он в деревне Олисово. Но родился после того, как погиб дядя. Почти не помнят его и другие односельчане. Лишь В. А. Логинов, ветеран войны и бывший райисполкомовский работник, ныне пенсионер из поселка Сазоново, кое-что рассказал о своем однокласснике.

Детские годы их прошли в деревнях по соседству. Василий Андреевич хорошо помнит, как они с Ванюшей учились в одной школе, бегали в лес за грибами и ягодами, пасли по ночам лошадей. А когда наступала страдная пора, помогали взрослым на сенокосе, убирали хлеб. Ведь находились в одном колхозе.

Больше всего Логинов запомнил доброту Ивана к людям и решительность, умение постоять за себя.

ВМЕСТЕ с ответом из Бродовского райвоенкомата в конверт была вложена фотография с места захоронения — братской могилы, где нашел свой покой и наш земляк. Это село Заболотское. Но о том, что вместе с другими здесь захоронен Герой Советского Союза Иван Фролов, не знали до последнего времени. «В настоящее время, — пишет подполковник Иванченко, — совместно с Заболотским сельским Советом принято решение об увековечении памяти героя. На могиле будет установлен мраморный обелиск с выбитым на нем именем Ивана Фролова, вашего земляка. Он встанет рядом с памятником, на котором значатся фамилии всех, кто вместе с сержантом погиб в бою, освобождая наш город».

КОГДА ГРЯНУЛА ВОЙНА. Восьмой мотоциклетный полк пятого механизированного корпуса двадцатой армии, в котором нес службу стрелок Фролов, находился в резерве, далеко в тылу Западного фронта. До того Иван подсчитывал дни, когда поедет домой. Приближался срок демобилизации. Планы круто изменились. Родина позвала его в бой.

...Перед натиском гитлеровцев фронт стремительно откатывался на восток, в глубь страны. По приказу Ставки начали разворачиваться и подразделения двадцатой армии. В верховье Западной Двины и Днепра передовые ее части последовательно втягивались в бой.

«С 6 по 10 июля 5-й и 7-й механизированные корпуса под командованием генерала Курочкина нанесли контрудар по дивизии 3-й танковой группы немцев... и задержали ее на несколько дней. На преодоление пространства в междуречье Березины и Днепра фашистам потребовалось около недели». — так сказано в четвертом томе «Истории второй мировой войны».

Насмерть стояли на белорусской земле и бойцы восьмого мотополка, сдерживая натиск гитлеровцев. Впервые здесь испытал радость победы и мотострелок Фролов. Своими глазами увидел солдат, что такое война, как ценою своей жизни платили за каждый клочок нашей земли его товарищи.

Но силы были неравные. Отступая, полк оказался под Могилевом. Город выглядел осажденным. Улицы перегорожены и перерывы, жители толпами уходили на восток, подальше от смерти и разрушений. Вокруг искореженного моста через Днепр лежали мертвые женщины, дети и старики. Фашистские стервятники продолжали беспрерывно бомбить и расстреливать все, что скопилось у моста.

...Редели ряды мотострелков, которые вторую неделю не выходили из боя, отбивались от наседавших гитлеровцев. Из оставшихся в живых бойцов в полку решили сформировать подвижную группу и направить в район Могилева. В состав ее был включен и наш земляк. Мотострелки внезапно нападали на вражеские колонны, громили врага в тылу.

Шел к концу июль, когда группа, оказавшись в тылу врага, попала в трудное положение. Пути отхода оказались перекрытыми. Бойцы держались из последних сил. Но их становилось все меньше и меньше, на исходе был боезапас.

Положение казалось безвыходным. Фролов обратился к политруку Шипуну и, показывая в сторону подбитых в бою машин, сказал: «Может, доберусь и чем-нибудь разживусь из боезапаса?».

Разрешение было получено. «Только возвращайся живым, — напомнил Ивану офицер и добавил: — Иначе погибнем все...».

Используя наползавшие сумерки и складки местности, Фролов незаметно подобрался к перевернутой машине. Возле нее валялись ящики с гранатами. Взял, сколько мог утащить. Обратный путь с взрывоопасным грузом предстоял нелегким. Боец преодолел и его. Воспользовался тем, что враг на какое-то время ослабил бдительность.

В сторону фашистов полетели гранаты. Завязался бой. Тут dospела помощь. На выручку попавшим в беду пришли товарищи.

Этот подвиг И. Н. Фролова был высоко оценен командованием. В начале июня 1942 года Указом Президиума Верховного Совета ему было присвоено звание Героя Советского Союза. На груди вскоре засверкали Золотая Звезда и орден Ленина.

В ТУ ПОРУ одна радость сменялась другой. Большие изменения произошли на фронтах. Повернув гитлеровцев вспять под Москвой, наши войска продолжали их теснить. Так в составе 61-го отдельного танкового полка Фролов дошел до Украины. Освобождал Житомир, другие города.

Жестокие бои развернулись при вступлении на Львовщину, на пути к Бродам. Гитлеровцы сильно укрепили город и объявили его крепостью, которую предписывали держать любой ценой, даже в случае окружения. Этим германское командование надеялось задержать продвижение наших сил к Львову.

Но натиск советских войск был сокрушительным. Прорвав сильную оборону противника, они вышли в район Брод. На подступах к городу завязались затяжные и кровопролитные бои. Гитлеровцы с обреченностью обороняли село Сухоты, на которое наступали подразделения 61-го Житомирского отдельного танкового полка. Своих десантников в атаку вел и старший сержант Герой Советского Союза Иван Фролов. Тот бой для него был последним. Он погиб, как герой.

Это произошло второго апреля сорок четвертого года. Боевые товарищи похоронили его недалеко от Сухот. На могильном холмике поставили сделанный на скорую руку столбик с красной звездой и надписью на нем, кто здесь похоронен. Позже прах героя вместе с другими перенесли в братскую могилу села Заболотье.

Сейчас над ней возвышается величественный памятник — фигура женщины, склонившейся в скорбном молчании над бездыханным телом солдата-освободителя. Но кажется, что он не умер, а только прилег на минуту на колени матери, которая оберегает его покой, ставший уже вечным.

На полированных плитах постамента множество фамилий сынов Родины, не вернувшихся с войны. Особо, крупными буквами выбито имя нашего земляка, Героя Советского Союза Ивана Николаевича Фролова.

Вокруг — стена зеленых насаждений и живых цветов. В знак признательности павшим за родную землю и свободу.

ЧЕРЕПАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ПОДВИГ НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Звание Героя Советского Союза сержанту Черепанову Сергею Михайловичу присвоено посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР 5-го октября 1944 года.

В начале шестидесятых годов коллега по газете Северной магистрали из Инты прислал вырезку из газеты «Красное Знамя» республики Коми. В ней говорилось о строительстве памятника Герою Советского Союза С. М. Черепанову в поселке Новый Бор. Из нее я узнал, что герой войны на Север прибыл из Великоустюгского района Вологодской области.

На запрос подтвердили, что юноша действительно родился на устюгской земле в деревне Пестово в 1916 году, что после окончания семилетки, в 1932 году, перебрался с родителями на новое место жительства в устье реки Печоры, в строящийся совхозный поселок Коми АССР, где и работал до армии. Так в моем блокноте появилось имя нового Героя Советского Союза, воложанина. Вскоре я знал многое из его жизни в мирное и военное время, о совершенном им подвиге.

...Сергей Черепанов и его дружок Сима Журавлев первыми откликнулись на предложение руководства совхоза создать агит-

бригаду. И когда в новом клубе шла репетиция, самодеятельные артисты пели: «Если завтра война...».

Никто из ребят не знал, что она уже не завтра, а сегодня ночью пришла на нашу землю. В мае сорок второго юноша добровольцем ушел на эту проклятую войну.

Попал он не на фронт, как настаивал, а в Вологду, в 193 запасной полк. Учился в полковой школе. Но получить сержантское звание не успел. Осенью второго военного года его отправили на Волховский фронт. Попал он в лыжный батальон 327-й дивизии.

Боевое крещение Сергей получил при прорыве Ленинградской блокады в январе сорок третьего. К тому времени он уже командовал отделением. Полученное здесь тяжелое ранение надолго его вывело из строя. Но Черепанова, как и его бойцов, радовало, что наши войска по всему фронту вели наступление, а в Ленинграде снова задымили трубы его заводов, пошли трамваи, что врагу все трудней становится удерживать в своих руках захваченные земли.

После лечения Черепанов снова на фронте. Домой он жене писал: «Некогда сейчас, Настя. В другой раз больше напишу. Я жив, здоров. Береги семью. Уже недолго осталось. Скоро освободим русскую землю от нечисти, погоним фашистов отовсюду...». Это письмо сержанта было последним.

Дивизия, в которой воевал Черепанов, с тяжелыми боями прорывалась к Новгороду, не давая врагу ни минуты передышки. Особенно жестокие бои разгорелись за деревню Поддубье. Враг цеплялся за каждый дом. Первым поднял в атаку своих бойцов Черепанов, ворвались на окраину села и заняли оборону.

Вот здесь, на новгородской земле, и совершил свой беспримерный подвиг наш земляк. Когда группа Черепанова ворвалась в деревню и закрепилась на ее окраине, фашисты, имея преимущество, решили захватить русских в плен и атаковали с трех сторон. Сержанту удалось уничтожить один пулемет противника, но немцы отрезали его от основной группы. Он, раненый остался один на один с врагом и отбивал атаки. Расстреляны последние

патроны, в руках осталась единственная граната. Что случилось потом, прочитаем в наградном листе Черепанова, подписанном командиром 1249 полка 377-й дивизии гвардии полковником Мухиным: «Когда кончились патроны и гранаты, Черепанов с криком “За Родину!” подорвал себя и группу немцев».

«Так героически погиб коммунист сержант Черепанов», — напишет позже в книге «Освобождение Новгорода» генерал-лейтенант Лебедев.

Когда наши выбили фашистов из деревни, то на месте, где погиб сержант, оказались десятки вражеских трупов. Об этом подвиге более подробно сообщила фронтовая газета: «Семьдесят два трупа врага насчитали товарищи, пришедшие на помощь, после схватки...». Как видим, дорого отдал свою жизнь наш земляк. За этот подвиг Черепанову было присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно зачислено в списки 1249-го стрелкового полка.

Память о героических делах Черепанова и бойцов его отделения бережно хранят новгородцы. В селе Поддубье на братской могиле установлен памятник освободителям. Не забыт герой и в Новом Бору, где жил и работал, откуда ушел на фронт. В центре поселка около клуба, в котором любил бывать Сергей, установлен его бюст. На доме, где он жил, висит мемориальная доска. Одна из улиц носит имя Сергея Михайловича.

Молодые лиственницы, посаженные много лет назад новоборцами на пустыре, окрепли, вытянулись к солнцу, каждый год, выбрасывая новые побеги. Дети Черепанова давно его переросли. Дочь лечит людей, сын стал авиационным техником. В отчем доме его рядом с фотографией детей и отца положена книга, присланная в подарок семье героя ленинградцами. Она называется «Твои герои, Ленинград».

В этой книге мы видим и знакомое лицо Сергея Михайловича Черепанова, уроженца Великоустюгского района, одного из многих вологжан, которые в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза. Бессмертен их удел. Они отдали свою жизнь за Родину, за Россию. Вечная им слава!

**БЫСТРОВ
НИКОЛАЙ
ИГНАТЬЕВИЧ**

**МАСТЕР
ВОЗДУШНЫХ УДАРОВ**

На полевом аэродроме заканчивался трудовой день. Инструктор был доволен: курсанты его группы все учебные полеты выполнили успешно. Особенно отличился курсант Быстров.

Появился начальник школы. Он объяснил, что на фронте требуются опытные летчики, готовые хоть завтра вступить в бой с фашистами. Когда началась война, Николай Быстров заканчивал Омскую военно-авиационную школу. Оставались какие-то дни до выпуска молодых офицеров. Он не стал раздумывать и тут же заявил: «Мое место только там, где наши товарищи дерутся с врагом». На следующий день на столе начальника школы вместе с другими лежал и его рапорт, с просьбой направить в действующую армию.

До летной школы Николай работал электромонтером на Омском электротехническом заводе. Как позже мне написал североморский разведчик Герой Советского Союза Саша Никандров, проживавший после войны в Омске, родился Быстров на нашей вологодской земле, в Бабаевском районе, в деревне Ступино. А омичи, мол, его считают своим. Об этом он узнал из разговора при встрече с Николаем Игнатьевичем, который кое-когда навещался на свою вторую малую родину из Москвы, где до выхода в отставку нес службу. «Так ли это, проверьте, пожалуйста», — попросил Никандров.

Слова земляка нашли подтверждение. Об этом сказано и в кратком биографическом справочнике «Герои Советского Союза». Значит, все правильно. И я начал собирать материал о боевых делах Быстрова, о котором написал в областной газете в конце восьмидесятых годов.

Первый боевой вылет старший лейтенант Быстров совершил в марте 1943-го года, будучи заместителем командира эскадрильи 992-го штурмового полка. Это было на Четвертом Украинском фронте. Вот как отзывался командир полка о молодом летчике: «Нравился мне Николай Быстров. Он серьезен, собраннее других. У него хорошее русское лицо, открытый взгляд. Николай впечатлителен, но выдержка у него отменная...».

К тому же, у него была отличная техника пилотирования. Командование часто ставило его в пример. И еще у Быстрова была отличительная черта: никогда он не важничал и не зазнавался, любил свое дело и ненавидел фашистов.

...Эскадрилья поднялась в воздух по тревоге. К аэродрому приближались «мессершмитты», прокладывая путь бомбардировщикам. Четверка Быстрова, перехватив девятку «мессеров», пара за парой пошла в атаку. Следуя в паре, Быстров набросился на противника. «Мессер» нырнул круто вниз, оставляя за собой столб черного дыма. Командир атаковал второго. Самолеты сближались. У зрага нервы не выдержали, он попытался увернуться. Но снаряды ударили в цель. Фриц, объятый пламенем, камнем пошел к земле.

Тут командир заметил, как один из наших Яков, получив удар концом левой плоскости вражеского самолета, стал падать. Только исключительное самообладание и отличная техника пилотирования спасли нашего летчика. Он плавно посадил самолет в расположение своих войск.

В книгах война, которую вели наши солдаты, предполагалась иной. Даже совсем иной. Советская армия приняла на себя удар фашизма, вооруженного до зубов новейшей боевой техникой. Геринг трубил на весь мир о несокрушимости воздушного

флота Германии. Что и говорить, фашисты — враги умные и опасные, но и наши летчики научились их бить.

Было это в жаркий августовский день, клонящийся к закату. Эскадрилья Быстрова произвела восемь вылетов на разведку, штурмовку, прикрытие мостов. Усталые летчики находились в самолетах: готовность номер один, никуда не отойдешь. Вот с КП взвилась зеленая ракета, и почти одновременно взревели шесть моторов. Шестерка земляка опять в воздухе.

Девятка «хейнкелей» летит плотным строем, курс снова на мост. Не долетев до правого берега, они поворачивают под углом градусов тридцать. Быстровские летчики слева от моста круто набирают высоту. Летят навстречу вражеским машинам, которые готовятся встать на боевой курс и по команде ведущего обрушить бомбы на пролеты моста, забитого нашими наступающими частями и боевой техникой.

Необходимо во что бы то ни стало перехватить фашистов до выхода на цель, не допустить прицельного бомбометания. Шестерка идет на сближение, под ней мост. Быстров уменьшает обороты двигателя и плавно переходит в пике. То же делают и остальные. Николай прицеливается по ведущему группы. Командует сам себе: «По фашистским гадам огонь!»

Жмет на гашетки пулеметов и пушки. Трассирующие очереди впиваются в стервятника. Бомбовоз горит. Другое звено тоже атакует врага. Тут же вспыхнул еще один бомбардировщик. Это Иванов разрядил по нему свою пушку. Подбит третий «хейнкель». Он со снижением уходит на запад.

Немцы, не долетев до моста, высыпают свой груз. И вдруг в горле у Николая защекотало, в глазах зарябило. Жгучая боль пронизывает правую ногу. В кабине появился дым. Медлить нельзя. Дальше Быстров действовал, как автомат. Ударяет по замку привязных ремней, ручку управления резко толкает от себя. Струя воздуха ударяет в лицо. Потом удар по ногам, и командир в воздухе. Видит, как его горящий самолет устремляется к земле, а потом взрывается. Летчика относит в лес, где он

садится на верхушки деревьев. Затем валится на землю. Тут подбегают двое и подхватывают его на руки с громким воплем: «Быстров! Да ты ли это?» Так пришло спасенье. Стащили сапог, перевязали ногу, подогнали машину.

Командующий ВВС армии объявил благодарность всем участникам боя над мостом.

Не стану перечислять подвиги земляка. Об этом подробно описывается в сборнике « Ради жизни на земле», выпущенном в Омске. Сообщу, что коммунист Быстров более ста двадцати раз поднимался в воздух на разведку и штурмовку вражеских позиций. Высокое звание Героя Советского Союза Николай Игнатьевич получил в двадцать три года от роду, в июне 1945 года.

Клинов Игорь Петрович

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Сперва о его подвигах. Особенно тяжелая обстановка сложилась на левом фланге 217-й стрелковой дивизии, в которой служил сержант, комсомолец Игорь Клинов, где наступала по скату высоты рота стрелков.

Продвижению мешал сильный пулеметно-минометный огонь. Нашим солдатам пришлось прижаться к земле и на какое-то время прекратить атаку.

Особенно мешал огонь из вражеского дзота. Пулеметный расчет Игоря и еще несколько солдат из соседнего отделения подоспели на помощь и забросали вражескую точку гранатами, а пулемет завершил дело. Вскоре подошли два стрелковых отделения четвертой роты. Враг не выдержал и стал отходить.

По приказу командира полка батальон стал закрепляться на достигнутом рубеже. До середины дня немцы атаковали наши позиции на разных участках и с разных направлений. Но русские не уступили ни одного метра отвоеванной земли. Больше того, при активной поддержке пулеметчиков, и особенно клиновского расчета, батальон углубил и расширил захваченный у врага участок.

Во второй половине дня батальон трижды поднимался в атаку, но успеха не имел. Наступила третья ночь. Когда взойшло сол-

нице, батальон снова поднялся в атаку. Продвинувшись вперед метров на пятьдесят и встретив сильный пулеметный и автоматный огонь противника, бойцы вынуждены были прижаться к земле. До здания, которое предстояло взять, оставалось не более трехсот метров. Но какие это оказались метры!

Преодолеть их было не так-то просто. Фашисты находились в выгодном положении. С вершины холма они видели буквально каждого бойца, имели возможность вести прицельный огонь. Поэтому комбат приказал всем отойти на исходные позиции.

Прикрывал отход пулемет сержанта Клинова. Ведя огонь до последней возможности, расчет оказался во вражеском кольце. Гитлеровцы ползли со всех сторон. Пулеметчикам трудно было стрелять в упор, маневрировать. Немцы то и дело оказывались в мертвом пространстве. Но клиновцы, истекая кровью, продолжали сражаться. В расчете осталось только двое. В это время на подмогу своим товарищам пришли стрелки и общими усилиями с пулеметчиками отбили натиск врага. Спасли героев от верной смерти.

А вот еще один эпизод из боевой жизни Игоря Клинова и последний на его пути. Он описан в одной из книг о героях-ярославцах, так как двенадцатилетним подростком, вместе с родителями Игорь перебрался в город Рыбинск и стал ярославцем. Здесь он закончил девять классов, потом столярничал. Родился же Игорь Петрович Клинов в 1922 году в деревне Большой двор Череповецкого района. В армии с сорок первого года, с октября на фронте.

...Первого августа сорок четвертого года разгорелся ожесточенный бой за деревню Старая Лиза Белостокской области. Фашисты, занимавшие оборону, сопротивлялись с яростью обреченных. Стрелковая рота несколько раз поднималась в атаку и, каждый раз массированный автоматнo-пулеметный огонь прижимал бойцов к земле. В роте были большие потери. И тогда командир решил: «Младший сержант Клинов, выдвинуться на фланг и огнем станкового пулемета поддержать атаку роты».

А это уже из газеты «Красный Север», где была впервые напечатана небольшая моя корреспонденция о новом герое войны Игоре Клинове.

Получив приказ командира роты, расчет Клинова быстро сменил позицию и открыл губительную прицельную стрельбу по огненным точкам врага, которые мешали нашим развивать успех атаки.

Фашисты поняли, что огонь клиновцев может попортить им все дело. Они тут же сосредоточили огонь на пулемете сержанта. Рота незамедлительно воспользовалась этим.

Дальше события развивались так. Под прикрытием танков противник начал контратаку. Клинов разгадал его маневр и открыл отсекающий огонь по пехоте противника, заставил ее залечь. Но танки продолжали рваться вперед. В этот момент вражеская пуля впиалась в руку командира пулеметного расчета. «Командир, — обратился к нему второй номер, — против танков нам не устоять. Да и ранены вы. Пора отходить...».

«Без приказа позицию не оставляю», — был ответ Клинова. А сам он продолжал огонь. Когда на руку наложили повязку, он приказал бойцу немедленно отправиться в роту.

В тот момент, когда Клинова ранило второй раз в бок, он бы еще успел отползти к своим. Но фашисты снова зашевелились. И пулемет застрочил. Тогда один из танков повернул прямо на смельчака. Но и тут Клинов не дрогнул, продолжал разить фашистов. Он вел огонь по гитлеровцам до тех пор, пока на него не напозла железная громадина и не вмяла в землю. Так погиб наш земляк, наводчик станкового пулемета 5-й стрелковой роты 766-го стрелкового полка 217-ой стрелковой Унеченской Краснознаменной ордена Суворова дивизии младший сержант комсомолец Игорь Клинов.

За храбрость и отвагу он был награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны 11 степени. А 24 марта 1945 года за подвиг, совершенный 1-го августа 1944 года, Игорю Петровичу Клинову было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно. Его прах покоится в деревне Старая Лиза Брянинского района Белостокской области, за которую он положил свою молодую жизнь.

КИСЕЛЕВ РАФАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Так называется сборник, рассказывающий о челябинцах — Героях Советского Союза, изданный в 1985 году. Он попал мне в руки случайно, у одного из знакомых ветеранов войны. Просматривая его, на 351 странице я наткнулся на фамилию Рафаила Киселева. В тексте под фотографией сообщалось, что он родился в 1912 году в селе Ивановка Кировского района Вологодской области в крестьянской семье.

Зная, что такого района в нашей области нет, первым делом я связался с автором сборника, одновременно послал запрос в Челябинский облвоенкомат. В ответах, полученных вскоре, подтверждалось, что иных данных о названии района у них нет, а вот область была четко обозначена: «Вологодская». Лишь после запроса из Главного управления кадров Министерства обороны поправили челябинцев, сообщили, что Киселев Рафаил Алексеевич действительно родился в нашей области в деревне Ивачино ХАРОВСКОГО района. А вскоре эти данные были опубликованы в справочнике «Герои Советского Союза».

Из приложенной копии наградного листа на земляка я узнал, что до войны он жил в городе Пласт Челябинской области. Сначала работал шофером в «Кочкарзолоте», потом механиком. В июне сорок первого года Киселев был призван в армию. Принимал участие в боях с фашистскими захватчиками на Западном, Брянском и Центральном фронтах.

После курсовой подготовки гвардии старший лейтенант командовал танковой ротой 13-го танкового полка 24-й гвардейской Нежинской механизированной бригады. Отличился он в боях при форсировании Днепра. В одном из боев подавил лично пять пулеметных точек, минометную батарею и уничтожил расчеты семи вражеских орудий.

За эти и другие подвиги Киселеву Рафаилу Алексеевичу 17-го октября 1943-го года было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

В конце сентября сорок третьего наши войска после тяжелых боев с противником вышли к Днепру. На берегу этой водной преграды в районе села Домантово Чернобыльского района Киевской области одной из первых оказалась танковая рота нашего земляка, которая своим огнем надежно прикрыла наступающие подразделения своего полка и обеспечила огневую поддержку при переправе их через Днепр.

В том бою гвардии старший лейтенант Киселев огнем и гусеницами своего танка, как сказано в наградном, лично уничтожил более десятка огневых точек, много техники и живой силы противника. Был тяжело ранен, но не покинул поле боя, продолжал вести огонь по врагу. Этим он содействовал разгрому одного из опорных пунктов немцев и успешному наступлению наших войск.

Умер Киселев от ран в госпитале 29 сентября 1943 года. В музее города Пласт, где герой работал и жил, установлена его бронзовая скульптура, а в Миассе — его именем названа одна из улиц. Там он учился.

КОРОБОВ ВАДИМ КОНСТАНТИНОВИЧ

ЗВЕЗДА ВИЦЕ — АДМИРАЛА

Кто они, герои, совершившие подвиг во имя Родины? Ответом на этот вопрос в конце восьмидесятых годов в «Красном Севере», мною были опубликованы несколько корреспонденций. Тогда читатели впервые узнали о новых, о которых рассказывается в этом сборнике, Героях Советского Союза, уроженцах вологодской земли.

Среди них был назван и вице-адмирал Коробов, получивший это высокое звание уже в мирные годы. Об этом было известно еще в 1976 году, но о «засекреченном» адмирале и его делах никакой информации было невозможно получить. Лишь в 1987-м году его имя появилось в «Кратком биографическом справочнике», в котором были названы все, кто к тому времени носил звание Героя Советского Союза. Но эта тридцатистрочная информация не открыла загадку.

В центре публикации в справочнике портрет морского офицера и сообщение, что Вадим Константинович Коробов родился в феврале 1927 года в городе Вологде, в семье служащего, десятилетку закончил в 1946 году при Ленинградском военно-морском подготовительном училище, а в 1964 году закончил Военно-Морскую академию. Член КПСС.

Далее сказано, что при выполнении особо важного задания командования В. К. Коробов проявил мужество, за что 25-го мая

1976 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. Вадим Константинович награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени и двумя — Красной Звезды, многими медалями. Вице-адмирал Коробов продолжает служить в рядах Военно-Морского флота...

Вот и все, что тогда можно было узнать об этом человеке, богатом своими биографическими данными и делами, связанным с укреплением оборонной мощи нашей Родины. В начале 1991 года, в гостях у Коробова побывал Аркадий Шорохов, бывший заместитель редактора «Красного Севера» и написал о нем в своей газете.

Все, что вы прочтете дальше, написано ныне покойным журналистом. Правда, печатается с некоторыми сокращениями.

НА СОЛОВКАХ

Кто не помнит той далекой военной поры, когда из черных репродукторов звучали печальные сообщения с фронтов. Тогда рано выросли мальчишки. Таким было и детство Вадима Коробова. Как и многие его сверстники, в 43-м он отправился в военкомат: «Направьте меня на фронт». В ответ услышал: «Рано еще, подрасти!». Но где там! В ту же осень он уехал на Соловки и добился зачисления в школу юнг.

Жили в землянках, которые строили для себя сами юнги. Был подъем в пять утра и зарядка на пронизывающем ветру. Был скудный харч военного времени и тяжкое флотское учение.

Да, памятна Коробову школа юнг. Строевые занятия... Шлюпочные походы и кровавые мозоли на мальчишеских руках.

И все-таки были счастливы тем, что они, немногие из мальчишек, приобщились к великому морскому братству... В числе лучших выпускников школы юнг он был направлен в Ленинград в подготовительное училище, а затем — в Высшее Военно-морское училище имени М. Фрунзе.

Перед Коробовым не стоял вопрос, куда ехать служить. Только на Север, откуда шли военные сообщения о героических делах североморских подводников.

РЯДОМ С КОРОЛЕВЫМ

В семейном архиве сохранилось приглашение В. Коробову на торжественное собрание Академии наук СССР, посвященное К. Э. Циолковскому. Основным докладчиком в нем значился академик С. П. Королев.

— Какими путями перекрестилась ваша судьба с этим человеком? — интересуюсь у Коробова:

— Пожалуй, самыми крепкими. Я проходил стажировку на Байконуре и постоянно встречался с Сергеем Павловичем, который очень интересовался нашей подводной службой, — был ответ адмирала.

А потом сам Сергей Павлович приехал на Север и не раз выходил в море на нашей подлодке, где я служил старпомом. Надев шлемофон, Королев усаживался к перископу и часами следил за всеми операциями по подготовке к испытаниям баллистических ракет...

Перед тем испытанием среди провожающих был С. П. Королев. А спустя несколько лет, вспоминая об этом походе, академик сказал: «Эти люди рисковали тогда своей жизнью!».

Испытания продолжались несколько месяцев. Люди не щадили себя, зная, во имя чего это делается. Но особенно запомнились им сентябрьские дни.

Штормовое, осеннее Баренцево море. Сыграна боевая тревога. Шторм девять баллов. Горизонта не видно. Но лодка не уклоняется от ударов волн, а наоборот, испытывает их силу во всех направлениях. Меняются курс и скорость хода. И на каждом галсе приходится задерживаться, чтобы записать на приборах необходимые параметры.

Пять суток длился этот мужественный поединок экипажа с бурлящим морем. А потом ракетносец ушел в высокие широты, где до этого не плавали наши лодки. За время плавания были пройдены тысячи миль. По возвращении в свои воды были произведены пуски ракет с успешными результатами.

...Что ж, флот и море — это по-настоящему мужская работа. И это убедительно доказал всей своей жизнью адмирал Вадим Константинович Коробов. Более чем через тридцать лет после Победы он был удостоен высшей награды Родины, стал Героем Советского Союза.

ПОБЕДА БЫЛА И БУДЕТ НАША

В канун 55-летия Победы в руки мне попал журнал «Германия». Солидное издание. Из него я узнал любопытную информацию. Рейхстаг, оказывается, в мае 1945-го года кто-то просто разбомбил. Взял и разбомбил. О главном, о том, что наши солдаты штурмом, в смертельной схватке с фанатиками Гитлера, брали купольный символ Рейхстага и водрузили на нем знамя Победы — ни слова. Будто ничего этого и не было. Зато о восстановлении этого купола и о том, как отбирались для сохранения отдельные надписи на стенах «разбомбленного» здания, оставленные, по мнению авторов, не русскими солдатами — победителями, а некими «балагурами», описывается со всеми подробностями.

Чем дальше Победа, тем явственнее остается за кадром эта величайшая в истории человечества дата. Хотя о мощи русского оружия и силе духа воинов, сражавшихся в Великую Отечественную войну, знает весь просвещенный мир. Но об этом подчас не только за бугром, но и у нас упорно молчат. Может, случайно? Скорее, по умыслу.

Чем и как объясняется в первую очередь феномен Русской победы? Кто он — в «западном» восприятии советский воин-победитель? Тогда, в 1945 году, наши солдаты были освободителями, которых повсеместно встречали, как победителей, с искренней благодарностью, с улыбками и объятиями, первыми весенними цветами. Заваливали ими дороги, солдат, танки и автомашины, славили нашу Советскую державу.

Чем дальше уходит время от военных лет и тех, запомнившихся на всю жизнь победных дней, тем четче звучит другая оценка. Она возвращает нас, русских «медведей в треуголке и подписи, северных варваров евразийской поделки...» на круги своя.

Но как тогда в этих «медведях» и «варварах» соединились фронтовое самоутверждение и сострадание к побежденным?

Почему не было и нет у фронтовиков, погибавших и проливавших свою кровь на вражьей земле, у всего русского народа синдрома жажды мщения?

Это бесспорный исторический факт. Примеров тому множество. Самые известные — бесплатные кухни для голодающих немцев, детей и стариков, любая медицинская и другая помощь нуждающимся.

Но мы помним и многое другое. Дороги, устланные трупами соотечественников, пожарища и разрушения на нашей многострадальной земле, горы расстрелянных и замученных братьев и сестер в фашистских концлагерях. Разве забудешь такое! Но русские не злопамятны и никому не желают это пережить.

Редуют наши ветеранские ряды. Нас, уже старых и больных, все чаще настигают смертельные вести: снаряды, как мы говорим, рвутся рядом. К сожалению, у некоторых из нового поколения понятие о Великой Отечественной войне оскудевает. Они скорее поверят в западную чушь о русских «медведях и варварах евразийской поделки», которые просто так, ради забавы взяли и «разбомбили» этот их фашистский рейхстаг. Это ужасно и страшно.

Под натиском западной пропаганды, вымысла всяческих подонков, искажающих действительность о войне, кое-кто уже готов усомниться в величии нашей Победы. Вот почему хотелось бышний раз напомнить не только о святом долге защиты Родины, но и том, что наше поколение выполняло этот долг без малейшего колебания. И не изменяло ему даже перед лицом неминуемой смерти.

Вспоминается такой случай. Не успели после боя утихнуть страсти, а нас уже построили и объявили о награждении медалями «За отвагу». Я признаться, недоумевал: в чем же заключалась наша отвага. Ну, сбили фашистский самолет, не пустили врага к охраняемому объекту. Так это обычное дело на войне.

Так шла фронтовая жизнь, и нет резона подробно о ней рассказывать. Она похожа на тысячу четыреста дней и ночей фрон-

говой поры. О ней, нашей войне, написаны тысячи книг, созданы сотни кинофильмов, правдивых, а порой и фальшивых.

Листаю альбом тех лет. Вглядываюсь в молодые лица боевых товарищей. И вновь оживают в памяти счастливые весенние дни сорок пятого победного года. В днях-то нынешних, увы, мало радости. И не потому, что постарели. Печально видеть, во что превратилась наша великая держава. Вопреки воле народа, амбициозные политики разъединили на «самостоятельные» куски страну, разрезали наш Союз по-живому. А сколько ветеранских жизней преждевременно унесли всякие там перестройки и реформы новой малопонятной нынешней власти! То пенсионные, то земельные, да всех законов, принятых в последнее время против воли народа, а значит и ветеранов тоже, не перечтешь.

А Запад рукоплещет всему этому и настойчиво продвигает НАТО к нашим рубежам. Так в свое время действовал Гитлер. Под прикрытием договора о дружбе и ненападении готовил свою армию к войне, стягивал ее к нашим границам. Горько все это видеть и сознавать! За такое ли мы бились, не щадя живота своего.

Скоро очередной юбилей нашей Победы, шестидесятилетний. Пройдет он, и опять начнутся ветеранские тревоги и переживания. Без этого нынешняя власть не может жить. Обязательно какой-нибудь да сюрприз преподнесет. Ну, разве это не сюрприз? Несмотря на массовые протесты и возмущения старшего поколения, взяли и лишили его и так мизерных льгот, которых оно и так получало менее чем наполовину от положенного. Вместо одного обмана, решили преподнести другой, задурить головы старикам грошовыми подачками.

А почему бы раз и навсегда не решить ветеранский вопрос, не воздать должное победителям, пока еще оставшимся в живых, а не ублажать красивыми словами, дать тихо и спокойно дожить отпущенное им время на этой брэнной земле. И главное — сказать спасибо за то, что они не жалели жизни ради Победы, которая в народной памяти останется на века.

В плеяде прославленных соотечественников — Героев Советского Союза около 180 уроженцев и жителей Вологодской области. В этой книге рассказывается только о шести наших замечательных земляках.

Скоро будем отмечать 60-летие нашей славной Победы в Великой Отечественной войне. Но не меркнет память народа о мужественных сынах Вологодчины. Их именами названы улицы городов и поселков, морские и речные суда. Их подвиги всегда будут принадлежать будущему. Они воспитывают в новых и новых поколениях наших людей светлое чувство беспредельной любви к своей Родине.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Один из 68-ми ольшанцев — череповчанин	4
Это было под Могилевым	11
Подвиг на Новгородской земле	15
Мастер воздушных ударов	18
Русский характер	22
Во имя Родины	25
Звезда вице-адмирала	27
Победа была и будет наша	31
Послесловие	34